

Терпигорев Сергей Николаевич

Оскудение. Благородные

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Оскудение. Благородные: Том 2 / Терпигорев Сергей Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 410 с.

ISBN 978-5-519-76554-1

ISBN 978-5-519-76554-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Б а б у ш ъ а.

I.

Хотя дѣдушка покойникъ, будучи избранъ на второе трехлѣтіе предводителемъ, и рассказывалъ у себя на обѣдѣ, данномъ по этому случаю, владыкѣ, тутъ присутствовавшему, что родъ его происходитъ отъ какого-то принца, но это не правда. Во-первыхъ, и самая фамилія его — Лейбкомпанцевъ — и потомъ, гербъ съ изображеніемъ лосиныхъ штановъ, разсыпанной пудры и сальнаго огарка — принадлежностей прадѣдушкина туалета — равно какъ и девизъ: «наша взяла!» — ясно показываютъ, въ чемъ дѣло.

Дѣдушка былъ «подъ Данцигомъ». До Парижа онъ не дошелъ. Никакихъ вредныхъ идей изъ-заграницы съ собой не принесъ. Всѣ воспоминанія о походѣ для него сводились къ тому, какъ однажды онъ былъ на ординарцахъ у нѣмецкаго фельдмаршала князя Шварценберга и пріѣхавшій къ нему, т. е. не къ дѣдушкѣ, а къ Шварценбергу, австрійскій императоръ Францъ, подойдя къ нему, т. е. теперь ужъ къ дѣдушкѣ, потрепалъ его по плечу и затѣмъ, обратившись къ Швар-

ценбергу, вынулъ изъ кармана табакерку и вмѣстѣ съ княземъ сталъ нюхать табакъ. О чемъ они говорили, дѣдушка, за незнаніемъ нѣмецкаго языка, не могъ разобратъ. Другой разсказъ о «кампаніи» былъ нѣсколько болѣе игриваго свойства. Сюжетомъ была какая-то нѣмка Августа, которую дѣдушка покойникъ плѣнилъ своимъ молодцоватымъ видомъ и съ которой, въ качествѣ квартермистра своего полка, очень коротко познакомился къ крайнему неудовольствію ея мужа-булочника. Разсказъ этотъ всегда необыкновенно оживлялъ его, онъ входилъ въ самыя масляныя подробности, но тутъ почти всякій разъ «на самомъ интересномъ мѣстѣ» неожиданное появленіе бабушки портило все дѣло.

Права покойникъ былъ самаго крутаго. Онъ сѣкъ безъ милосердія не только крѣпостныхъ Филекъ, Степокъ, Дашекъ и Машекъ, но съ такимъ же успѣхомъ производилъ эти операціи и надъ дьячками и надъ проѣзжими, не снявшими шапки мѣщанами, конечно, и не подозрѣвая, что это все дѣдушки теперешнихъ «Сладкопѣвцевыхъ» и «Подчугольниковыхъ». Винить его, впрочемъ, за это не за что, ибо, въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ вообразить даже, что приплодъ этихъ послѣднихъ пожретъ современемъ его потомковъ, подобно тому, какъ поступили въ такомъ же случаѣ семь тощихъ египетскихъ коровъ съ семью толстыми. Онъ не виноватъ. Никакихъ сновидѣній на эту тему онъ не видалъ, да, если бы и видѣлъ, можно ли съ увѣренностью сказать, что непременно нашелся бы Іосифъ, который ему, да и всѣмъ «намъ» предсказалъ наше будущее. Можно идти даже дальше. Можно положительно утверждать, что если бы тогда такой Іосифъ и нашелся, ему, все равно, никто бы не повѣрилъ...

Развлеченія и игры у него были все самыя грубыя:

псовая охота, травля пойманных волковъ, травля мимондушихъ. Разъ онъ травилъ собаками даже дьякона, который въ испугѣ убѣжалъ и скрылся въ конопляникъ, но тамъ былъ осажденъ (конопляникъ былъ большой — десятиль пять) два дня и двѣ ночи дворней подъ личнымъ предводительствомъ покойника и когда, наконецъ, изнуренный голодомъ, жаждой и бессонницей вышелъ оттуда и палъ на колѣни, прося пощады, покойникъ наградила его, подаривъ рыжую кривую кобылу, носившую названіе попады.

— На ней ты всегда и ѣзди ко мнѣ,—сказалъ покойникъ, отпуская дьякона, при чемъ остался доволенъ какъ охотой, такъ и каламбуромъ...

Въ разсужденіи женскаго пола былъ неразборчивъ и подобенъ бессмысленной скотинѣ, не понимающей, что такое стыдъ. Бабушка покойница ловила его вездѣ: и въ кабинетѣ, и на чердакѣ, и въ саду. Разъ застала его даже въ своей собственной спальнѣ. Само собою разумѣется, что пойманныхъ бабъ и горничныхъ, соучастницъ шалостей покойника, нещадно сѣкли, стригли и вообще подвергали разнымъ исправительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, но это все на него нисколько не дѣйствовало и его не исправляло. Наконецъ, одинъ разъ, когда покойница уѣзжала на богомолье въ Воронежъ, онъ совершенно неожиданно для нея сошелся, въ ея отсутствіе, съ овдовѣвшей недавно сосѣдкой, полковницей Предковой. Возвратившись съ богомолья, покойница очень скоро, конечно, всѣ «эти шашни» его узнала, но какія мѣры ни принимала, чтобы положить конецъ «этой страмотѣ» и «позору», все равно ничего не добила. А впоследствии дѣло дошло до того, что эта полковница переѣхала на постоянное житіе къ нимъ въ домъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣдушка согласился

быть ея опекуномъ. Ударъ для покойницы бабушки былъ страшный, но она тѣмъ не менѣе перенесла его довольно благополучно, сосредоточивши однако все свое вниманіе и вниманіе своихъ безчисленныхъ ключницъ, экономокъ и горничныхъ на томъ, что дѣлается въ «апартаментахъ» этой «безстыжей».

— Матушка барыня, «они» изволили «туда» пройти, докладываетъ неслышно, на цыпочкахъ, снявъ башмаки, появляющаяся откуда-то сбоку горничная.

— Прошелъ? Сейчасъ?

— Сейчасъ-съ.

— А ты, подлая, точно рада этому, вдругъ накидывается она на доносчицу.

— Сударыня, да вѣдь я....

— Нечего, сударыня! Знаю я васъ. Пошла, послушай потихоньку, что они тамъ...

Горничная уходитъ и минутъ черезъ пять или десять опять является.

— Ну, что?

— Изволятъ смѣяться...

Бабушка произошла отъ брака нашего же помѣщика, татарскаго происхожденія, князя Кундашева съ дочерью его бывшаго полковаго командира, генерала фонъ-Шпице. Происхожденіе, по крайней мѣрѣ по ея понятіямъ, было самое аристократическое, и она этого никогда не забывала и забыть даже не могла. Тѣмъ не менѣе, одна-кожъ, вспоминая побѣды надъ кавалерами въ дни своей юности, она иногда употребляла такое выраженіе: «хотя я и княжеваго рода, но въ моихъ кровяхъ азіятъ». Это, впрочемъ, должно было свидѣтельствовать о томъ, какая она была въ этихъ дѣлахъ «отчаянная».

Какъ и надо было ожидать, съ перваго же года своего супружества дѣдушка съ бабушкой начали пло-

диться и наплодили мнѣ безчисленное количество тетенекъ и дяденекъ. Въ нашей сторонѣ это свойство, впрочемъ, довольно общее: скука въ деревняхъ вѣдь ужасная.... Въ живыхъ, разумѣется, не всѣ остались: умерло ихъ тоже множество, но болѣе чѣмъ достаточно осталось и въ живыхъ. Воспитаніе «у домашнего очага» всѣ они получили, конечно, одинаковое, но зато въ дальнѣйшей ихъ судьбѣ и карьерахъ произошло удивительное, можно сказать, разнообразіе, такъ что иногда, когда я смотрю на нихъ и задумаюсь объ нихъ, то дѣдушка съ бабушкой представляются мнѣ сѣятелями, которые, взявъ въ руки по горсти сѣмени самаго смѣшаннаго, развѣяли его по вѣтру. Дѣйствительно, когда вся эта коллекція собирается вмѣстѣ, то своимъ разнообразіемъ производитъ удивительное впечатлѣніе. Такое разнообразіе встрѣчается только въ нашихъ дворянскихъ семействахъ. Нигдѣ ничего подобнаго даже невозможно увидеть и встрѣтить. Въ купеческомъ семействѣ — будь хоть десять сыновей — всѣ они болѣе или менѣе одного покроя и одного уровня. То же самое и у духовныхъ. Про мужиковъ ужъ и говорить нечего. Но у «насъ» о! какое всегда разнообразіе.

Почему это?

А очень просто. Купецъ своихъ сыновей готовить къ торговлѣ. Попъ своихъ дѣтей готовить себѣ и себѣ подобнымъ въ замѣстители. Мужикъ своихъ приучаетъ «къ сохѣ», т. е. опять-таки къ своему дѣлу. А къ чему, къ какому дѣлу мы будемъ приучать своихъ дѣтей, когда положу руку на сердце, ни одинъ изъ насъ не отвѣтитъ по совѣсти на вопросъ: какое наше дѣло? Т. е., положимъ, отвѣтитъ-то мы всегда готовы и такой отвѣтъ у насъ всегда на языкѣ: «безкорыстное служеніе престолу и отечеству»; но, во первыхъ, что это за специальность, и потомъ, такъ ли это было и есть на самомъ дѣлѣ?

Вопросъ, что сдѣлать съ дѣтьми, неотвязный, и онъ стоялъ одинаковой загадкой какъ для покойниковъ дѣдушки съ бабушкой, такъ точно стоитъ до сихъ поръ и передъ нами. Не знаю, задумался ли ктонибудь надъ нимъ и какъ его разрѣшали другіе, но я по крайней мѣрѣ много думалъ объ немъ и пришелъ къ тому заключенію, что этотъ вопросъ-загадка такъ-таки до скончанія дней «нашихъ» останется для нашего сознанія неразрѣшенной загадкой. Но объ этомъ рѣчь впереди.

II.

Когда бабушка народила достаточное уже количество дяденекъ и тетенокъ и они стали не только ходить и, бѣгать, но даже и баловать, для обузданія ихъ была откуда-то добыта самого жалкаго вида нѣмка Карловна. Еще немного погодя былъ точно также неизвѣстно откуда пріобрѣтенъ французъ мусье Шампо, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, что пришли съ Наполеономъ въ Москву и ужъ никогда потомъ не возвращались на родину. Въ своемъ полку Шампо былъ барабанщикомъ, а прежде у себя въ деревнѣ—садовникомъ. По-русски онъ говорилъ очень скоро, но ужасно плохо. Покойница его не любила, но зато дѣдушка любилъ очень. Во-первыхъ, Шампо былъ ужасный «шалунъ» и въ этомъ качествѣ постоянно споспѣшествовалъ покойнику и, потомъ, отлично выбивалъ трели на барабанѣ. Этотъ нехитрый инструментъ былъ для него нарочно купленъ, и покойникъ заставлялъ его иногда по цѣлымъ часамъ «бить» разные «походы», «отступленія», «атаки» и т. п. Въ длинные осенніе и зимніе вечера эти концерты устраивались обыкновенно въ залѣ или въ гостиной къ ужасу покойницы, «княжескіе»

нервы которой не выносили этого инструмента. Шампо «билъ» всѣ эти сигналы сперва «по-французски», а потомъ «по-русски». Почти каждый вечеръ у него съ покойникомъ, послѣ такого концерта, начинался споръ о томъ, какой однозначашій сигналъ лучше — французскій или русскій? Сосѣди, бывшіе при этомъ, также вмѣшивались въ пренія, споръ разгорался еще болѣе и если Шампо при этомъ увлекался и «забывался», то его тутъ же, вечеромъ, съ фонарями отправляли на конюшню, гдѣ и сѣкли.

Каролину Карловну, сколько мнѣ извѣстно, не сѣкли. Она была любимицей бабушки и главной надзирательницей за шалостями покойника и его все же друга Шампо. Оба они, т. е. и дѣдушка и Шампо, весьма естественно, терпѣть ее не могли за это, но все же она какъ-то ухитрялась спастись отъ нихъ. Ей, впрочемъ, однажды угрожала серьезная опасность. Дѣдушка рѣшилъ выдать ее замужъ за Шампо. Она была въ отчаяніи. Зная рѣшительный нравъ покойника, не терпѣвшаго никакихъ возраженій, особенно въ подобныхъ предпріятіяхъ, она въ канунъ свадьбы, ночью, неизвѣстно куда сбѣжала. Всѣ самые тщательные розыски не привели ни къ чему и только послѣ полугодоваго скрывательства у кого-то изъ помѣщиковъ другаго уѣзда, уступая чувству любви къ бабушкѣ и получивъ нѣчто въ родѣ охранной грамоты отъ дѣдушки, возвратилась къ своимъ занятіямъ, т. е. къ воспитанію дяденекъ и тетенокъ и выслѣживанію шалостей покойника и Шампо.

Кромѣ этой «гувернантки» и этого «гувернера», въ воспитаніи дѣтей участвовали еще двое: сумасшедшій (въ тихомъ помѣшательствѣ) нѣмецъ Ѳеодоръ Ивановичъ, удивительно игравшій на фортепіано и обучавшій дѣй

тей этому искусству, и дьяконскій братъ семинаристъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ не принявшій никакого священнаго чина. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, рябъ, ходилъ въ нанковомъ «пальтончикѣ» и самъ въ горшкѣ теръ для себя нюхательный табакъ. Сѣчень бывалъ нѣсколько разъ.

Вся эта компанія, т. е., разумѣется, кромѣ нѣмки, помѣщалась на верху, въ мезонинѣ, тамъ же гдѣ было отведено помѣщеніе и для пойманныхъ молодыхъ лисятъ и волчатъ. Понятно, грязь и вонь были тамъ невообразимыя.

Преуспѣвая и совершенствуясь въ наукахъ и поведеніи, дяденьки и тетеньки между тѣмъ все росли, и старшій дяденька доросъ, наконецъ, до того, что началъ не только понимать вкусъ въ походахъ дѣдушки и Шампо и весьма имъ сочувствовать, но и подражать. Желая, вѣроятно, образумить его, бабушка прибѣгла къ мѣрамъ строгости: нѣсколько горничныхъ и кружевницъ были за него высѣчены и острижены, но мѣра эта и въ настоящемъ случаѣ ни къ чему не привела. Наконецъ бабушка рѣшилась переговорить обо всемъ этомъ съ дѣдушкой.

— Молодца-то нашего пора, я думаю, куда-нибудь и спровадить, начала она.

— А что?

— Да такъ. Изъ дѣвичьей его не выгонишь.

— Да-а? удивился дѣдушка и велѣлъ его позвать.

На семейный судъ предсталъ дышащій здоровьемъ, краснощекій, широкоплечій шестнадцатилѣтній герой.

— Ты, братецъ, говорятъ, того... началъ дѣдушка, и повторилъ бабушкины обвиненія.

— Я, папенька, къ коверщикамъ за шерстью ходилъ.

— За шерстью? А зачѣмъ тебѣ шерсть нужна?

— Для счастья...

Тутъ покойникъ, производя слѣдствіе, вступилъ въ такія подробности и вообще далъ такое направленіе допросу, что бабушка въ ужасѣ обратилась въ бѣгство... Тѣмъ не менѣе однако-жь, дядя Яша вскорѣ былъ отправленъ въ какой-то уланскій полкъ и ему данъ въ дядьки старикъ-лакей Иванъ Петровъ. Отпущая сына, дѣдушка сдѣлалъ такое распоряженіе: «Ты, сказалъ онъ Ивану Петрову, смотри за бариномъ какъ за своимъ глазомъ: ты, если, избави Боже, что случится, отвѣтишь мнѣ. А ты, Яковъ, держи его строго, не балуй: если что такое — сейчасъ пиши и присылай его. У меня съ нимъ расправа коротка.» Недѣли черезъ три дѣдушка получилъ отъ сына письмо, что онъ принять въ полкъ. «Безкорыстное служеніе престолу и отечеству» началось....

III.

Осенью этого же года дѣдушка, безъ всякой видимой причины, вдругъ, ни съ того ни съ сего началъ «таять», т. е. худѣлъ и худѣлъ. Сдѣлался такой смиренный, тихій. Всѣ свои «эти мерзости» оставилъ. Даже полковнику Предкову отправилъ обратно въ ея имѣніе, чѣмъ конечно возвратилъ къ себѣ любовь и вообще нѣжныя чувства бабушки.

— Не до нее мнѣ теперь, Машенька.

— А если, Богъ дастъ, поправишься, опять за нее примешься?

— Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ поправиться.

— На Бога, мой другъ, уповай: все Онъ.

— Уповаю, конечно, да... нѣтъ, ужь не поправлюсь, чувствую это.

— Тоже вотъ и этого козла-то отправиль бы ты. Зачѣмъ онъ тебѣ? Только срамота одна.

— Это ты про Шампошку?

— Да, мой другъ.

— А дѣти-то какъ же безъ французскаго языка останутся?

— Гувернантку возьмемъ. А то онъ, подлый, на-медни во время урока вдругъ у Сонички руку началъ ни съ того ни съ сего (вранье) цѣловать.

— Да-а?

— Развѣ я, мой другъ, тебѣ солгу?

— Ну, къ чорту его.

Такимъ образомъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до дѣдушкиной кончины она взяла во всемъ такую силу, что, можно сказать, его въ это время какъ бы ужь не существовало. Всѣ дѣла по хозяйству вершила ужь она одна. На дѣдушку нашель какой-то особенно-нѣжный «стихъ».

— Трудно тебѣ, Машенька, съ этими подлыми?

— Что-жь, мой другъ, дѣлать. На все Господня воля.

— Такъ-то, такъ, а не взять ли намъ управляющаго?

— Только одно лишнее воровство будетъ. Изъ своихъ такого человѣка нѣтъ, а съ воли взять — что съ нимъ подѣлаешь? Ни наказать, ничего такого съ нимъ сдѣлать нельзя...

— Ну, это-то пустяки. Если что — такъ отдеру... Вотъ если бы Богъ далъ поправиться... Да нѣтъ.... нѣтъ....

И въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ днемъ «таяніе» не